

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

Годъ 4-й. **Воскресенье, 6 февраля 1927 года.** **№ 6.**

ПОСЛАНІЕ

Святѣйшаго Вселенскаго Патріарха Василія III на имя Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Діонисія, отъ 10 ноября 1926 года за № 3069, о «Пасхаліи» и о празднованіи Святой Пасхи въ 1927 году.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Митрополитъ Варшавскій и всея Польши, Возлюбленный и Вожделѣнный во Христѣ Богѣ Братъ и Сослужитель Нашей Мѣрности, Киръ Діонисій, посылаемъ Вамъ Наше братское во Господѣ лобзаніе и наилучшія пожеланія.

Во время Нашей прошлогодней переписки со Святыми Церквами-сестрами, касавшейся «Пасхаліи», Мы изложили причины, по которымъ Наша Великая Христова Церковь считала своимъ долгомъ не измѣнять и въ нынѣшнемъ году «Пасхаліи», составленной по Юліанскому Календарю, несмотря на всѣ доводы, говорящіе въ пользу немедленнаго переведенія «Пасхаліи» на новый стиль, уже принятый и примѣняемый въ отношеніи неподвижныхъ праздниковъ.

Мы надѣялись, что этотъ вопросъ окончательно будетъ рѣшенъ на Вселенскомъ Соборѣ Православной Церкви, созывъ котораго въ этомъ году былъ назначенъ по общему желанію всѣхъ Церквей, и что оканчивающійся уже 1926 годъ будетъ послѣднимъ, который увидитъ неправильность, происходящую отъ неодновременнаго принятія «Пасхаліи» по новому стилю, неправильность, могущую часто имѣть, какъ это было въ истекающемъ году, важныя и чувствительныя послѣдствія.

Между тѣмъ, несмотря на общее желаніе и великую, дающую себя чувствовать, необходимость, осуществленіе созыва Вселенскаго Собора въ этомъ году не могло быть проведено, а потому вопросъ о «Пасхаліи» не могъ получить, какъ и всѣ прочіе вопросы, желательнаго окончательнаго и законнаго разрѣшенія, вопреки общему, въ сущности сходному, мнѣнію Церквей-сестеръ о необходимости установленія всего касающагося этого вопроса, сообразно постановленію I Вселенскаго Собора и точнымъ соотвѣтственнымъ выводамъ науки, вопреки, также, общему сознанію, имѣющемуся не только въ нѣдрахъ Православныхъ Церквей-сестеръ, но и у послѣдователей всѣхъ другихъ Христіанскихъ Церквей, сообразно съ тѣмъ же духомъ христіанскаго сознанія, какой выраженъ въ предписаніи I Вселенскаго Собора, — что не слѣдовало бы быть несогласіямъ и различію во времени празднованія Св. Пасхи, этого общаго, великаго краеугольнаго христіанскаго праздника.

Однако, для сохраненія мира и любви христіанской, этихъ узъ совершенствованія, Мы считаемъ своимъ долгомъ, конечно, терпѣть и въ слѣдующемъ году продолженіе настоящаго положенія по отношенію къ «Пасхаліи», т. е. соблюдать все, что относится къ этому на основѣ прежняго Календаря, и на этомъ основаніи праздновать въ будущемъ 1927 году Святую Пасху 24-го апрѣля новаго стиля (11 стараго), до тѣхъ поръ, пока все, что касается этого вопроса, будетъ установлено волей Божіей благополучно къ полному и всеобщему удовлетворенію и радости.

Утѣшеніемъ для Насъ служитъ возможность засвидѣтельствовать то, что въ будущемъ 1927 году оба стиля, къ счастію, почти совпадаютъ, а потому не будетъ значительной разницы въ днѣ празднованія Пасхи, каковая была въ этомъ году, и что вынужденная отсрочка окончательнаго рѣшенія вопроса о «Пасхаліи» не повлечетъ никакой неправильности въ церковной практикѣ въ наступающемъ году.

Дѣлясь Нашими мыслями съ Церквами-сестрами и рѣшеніемъ относительно сохраненія въ будущемъ году нынѣшней «Пасхаліи», Мы выражаемъ Наше убѣжденіе въ томъ, что мнѣніе по этому предмету будетъ единогласное и дѣйствія всѣхъ Церквей-сестеръ сходныя. Желаемъ,

чтобы Господь Богъ скорѣе повелъ все по пути прогресса и блага Его Святой Церкви и ея паствы.

Посылая Вашему Высокопреосвященству Наше братское во Господѣ лобзаніе, остаемся дружески во Христѣ расположенные

Вышего Высокопреосвященства любящій во Христѣ братъ

(—) **Патріархъ Константинопольскій ВАСИЛИЙ.**

ПОСЛАНІЕ

Святѣйшаго Вселенскаго Патріарха Василія III на имя Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Діонисія, отъ 25 ноября 1926 года за № 3220, о созывѣ „Предсобора“.

Ваше Высокопреосвященство, Митрополитъ Варшавскій и всея Польши, Возлюбленный и Вожделѣнный во Христѣ Братъ и Сослужитель Нашей Мѣрности, Киръ Діонисій, посылаемъ Вамъ Наше братское во Господѣ лобзаніе и наилучшія пожеланія.

Посланіемъ Нашимъ къ Церквамъ-сестрамъ, отъ 1 мая с. г. за № 1254, по поводу созыва Вселенскаго Собора Православной Церкви Мы высказали свое мнѣніе, что, вслѣдствіе отсрочки въ созывѣ Вселенскаго Собора, является въ настоящее время своевременнымъ и полезнымъ предварительный созывъ «Предсобора», составленнаго изъ представителей всѣхъ Православныхъ Автокефальныхъ Церквей.

Нынѣ мы, по предварительному соглашенію съ Церквами-сестрами, желали бы точно установить характеръ и детали этого «Предсобора», а потому, вмѣстѣ со своимъ Св. Синодомъ, считаемъ своевременнымъ обратиться къ Церквамъ-сестрамъ съ просьбой, дабы благоволили Онѣ сообщить свои соображенія о мѣстѣ и времени для созыва «Предсобора», числѣ представителей отъ каждой Церкви, которые бы приняли участіе въ «Предсоборѣ», а также объ его юрисдикціи.

Настоящимъ Нашимъ братскимъ письмомъ просимъ Ваше Высокопреосвященство о сообщеніи Намъ о томъ, что намѣревается сдѣлать по поводу вышесказаннаго Ваша Церковь.

Посылая Вашему Высокопреосвященству Наше братское во Господѣ лобзаніе, остаемся съ дружескимъ во Христѣ расположеніемъ

Вашего Высокопреосвященства любящій во Христѣ братъ

(—) **Патріархъ Константинопольскій ВАСИЛИЙ.**

АПОЛОГІЯ ЛИЧНОСТИ ХРИСТА.*)

2. Христосъ—личность историческая.

Невѣріе не можетъ отрицать, что нѣкто именемъ Іисусъ, признанный Своими учениками обѣтованнымъ Спасителемъ міра, жилъ въ Палестинѣ въ царствованіе Августа и Тиберія (*Гейхъ*).

Восемнадцать столѣтій люди не сомнѣвались въ историческомъ существованіи Христа, это положеніе считалось непоколебимымъ, казалось, оспаривать историчность Христа—человѣка также абсурдно, какъ утвержденіе, что два и два даютъ въ суммѣ пять.

Но вотъ черезъ 18 столѣтій послѣ того, какъ весь міръ зналъ Христа, какъ личность вполнѣ конкретную, появилась новая школа богословской критики, т. наз. „миѳологическое направленіе“ въ богословіи. Начало свое это направленіе ведетъ съ конца 18 ст., основныя его положенія были высказаны *Дюпюи* въ книгѣ „Происхожденіе всѣхъ культовъ“ (1795 г.); дальнѣйшее свое развитіе школа эта получаетъ въ XIX в. *Д. Штрауссъ* произвелъ первую попытку свести всѣ евангельскія повѣствованія къ миѳамъ. Его примѣру послѣдовалъ глава т. наз. Тюбингенской школы *Бруно Бауеръ*, который въ сочиненіи „Христосъ и цезари“ (1877) подвергъ сомнѣнію историческое существованіе Христа. Въ такомъ же духѣ высказались *Геккель и Бебель*.

Но особеннаго расцвѣта миѳологическая школа достигаетъ въ XX в., въ нѣкоторыхъ странахъ (напр., современной Россіи) ея ученіе дѣлается даже моднымъ.

Кромѣ уже указанныхъ, наиболѣе видными представителями миѳологической школы являются: Германія — *Кальтгофъ* („Что мы знаемъ объ Іисусѣ“), *Артуръ Древсъ*, „прославившійся“ своимъ „Миѳомъ о Христѣ“, Франція—*Вольмей*, *Бюрнуфъ*, *Ошаръ*, въ послѣднее время *Кушу* („Тайна Іисуса“), Англія—*Смитъ*, *Робертсонъ* („Христіанство и миѳологія“), Польша — *Андрей Немоевскій* („Богъ Іисусъ“), Россія—*Святскій* и др.

Основнымъ положеніемъ миѳологической школы является то, что Христосъ никогда въ исторіи не существовалъ. Христосъ есть плодъ человѣческой фантазіи, подобно языческимъ богамъ Греціи и Рима. Онъ только миѳъ и ничего больше. Христіанство есть синкретическая религія, она сложилась подъ вліяніемъ іудейства и

*) См. „Воскресное Чтеніе“ №№ 1, 3.

язычества. Евангелія — сборникъ миѳовъ, заимствованныхъ изъ другихъ религій.

Наиболѣе выпукло ученіе миѳологической школы выражено въ книгѣ проф. *А. Древса* „Миѳъ о Христѣ" (1910), по его словамъ „Мы ровно ничего не знаемъ объ Іисусѣ, о какой нибудь исторической личности подъ тѣмъ именемъ, къ которому Евангелія относятъ сообщаемыя событія „Слова" 1). Отсюда выводъ: Христосъ никогда не существовалъ.

Прежде чѣмъ разбирать это основное положеніе миѳологической школы, постараемся выяснить, что должно служить достаточнымъ основаніемъ, чтобы можно было той или иной личности приписывать историческое существованіе. Признаки „историчности" данной личности могутъ быть сведены къ слѣдующимъ даннымъ: 1, дошедшія до насъ проявленія личнаго творчества, 2, свидѣтельства современниковъ о данной личности и о слѣдахъ оставленныхъ ею на ходѣ историческаго процесса.

Для установленія историческаго характера личности вовсе не обязательно, чтобы оба условія были удовлетворены, далеко не всѣ люди, дѣйствительно жившіе, оставили потомству памятники своего творчества, за примѣрами ходить недалеко, достаточно указать на *Сократа*, о существованіи котораго мы узнаемъ по свидѣтельствамъ его учениковъ.

Приложимъ теперь къ Христу критерій историчности существованія. Христосъ дѣйствительно не оставилъ послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ личнаго творчества. Остаются, слѣдовательно, свидѣтельства современниковъ и вліяніе на исторію.

Такъ вотъ миѳологическая школа, въ своемъ стремленіи доказать миѳическій характеръ личности Іисуса, старается показать, что мы не обладаемъ кромѣ евангелистовъ никакими свидѣтельствами современниковъ о Христѣ. Что касается евангелистовъ, то ихъ свидѣтельствамъ вѣрить нельзя, ибо у нихъ были „особыя" причины (о которыхъ ниже) учить объ историческомъ Христѣ. Оказывается, ап. Павелъ вовсе не мыслилъ себѣ Христа, какъ конкретную, историческую личность, но Спасителя онъ представлялъ себѣ какъ нѣкую абстрактную идею. „Павелъ, пишетъ *Древсъ*, избралъ Христа носителемъ и посредникомъ спасенія не потому, что онъ почиталъ Іисуса какъ конкретную личность, но какъ разъ по той причинѣ, что онъ ровно ничего не зналъ ни о какомъ историческомъ Іисусѣ, ни о какой исторической личности, носившей это имя и достойной того, чтобы ей приписывать великое дѣло спасенія рода человѣческаго" 2). Да и прочіе апостолы вначалѣ вовсе себѣ Христа, какъ историческую личность, не мыслили.

Однако нужно все таки объяснить происхожденіе идеи историческаго Іисуса и вотъ *Древсъ* находитъ данное „объясненіе". „Открытіе", что ни говори, великое! Наконецъ, послѣ 20 вѣковъ человѣчество благодаря *Древсу* узнаетъ дѣйствительныя причины происхожденія идеи историческаго Христа!

Но обратимся къ выводамъ *Древса* по интересующему насъ вопросу. Между Іерусалимскими апостолами и Павломъ, училъ *Древсъ*, возникли споры и разногласія. Желая подчинить Павла своему авторитету, прочіе апостолы рѣшили выдумать исторію земной жизни Іисуса Христа. Создавъ ученіе объ историческомъ существованіи Спасителя и о томъ, что они были спутниками и свидѣтелями Его жизни, апостолы стремились пріобрѣсти пріоритетъ надъ ученіемъ ап. Павла. Такъ появилась идея объ историческомъ Іисусѣ. Честолюбіе, мелкое тщеславіе, взаимная вражда —вотъ, согласно *Древсу*, причины возникновенія ученія объ Іисусѣ человѣкѣ.

Дабы читатели не думали, что мы съ умысломъ искажаемъ столь „убѣдительное" и „правдоподобное" объясненіе, мы позволимъ себѣ процитировать соотвѣтствующее мѣсто „Миѳа о Христѣ". „Іудео-христіанство вообще, а іерусалимское въ особенности нуждалось въ какомъ-либо вѣскомъ основаніи, на которомъ оно могло бы опереться въ отстаиваніи своего пріоритета надъ языческимъ христіанствомъ Павла, вотъ почему появилось условіе, требовавшее отъ апостоловъ личнаго знакомства съ Іисусомъ. Вотъ почему „Іисусъ не могъ дальше оставаться только богомъ, вотъ почему его пришлось вочеловѣчить" 3). (Какъ просто и ясно!!).

Спрашивается, если Христосъ никогда не существовалъ, то откуда взялись апостолы которые выдумали Его біографію? Кто ихъ собралъ вмѣстѣ, кто имъ внушилъ мысль объ абстрактномъ Іисусѣ-Спасителѣ и Искупителѣ міра. Вѣдь апостолы были люди простые, неграмотные. Мысли ихъ царили не въ области метафизики, казалось бы, матеріальныя заботы должны были поглощать все вниманіе рыбаковъ.

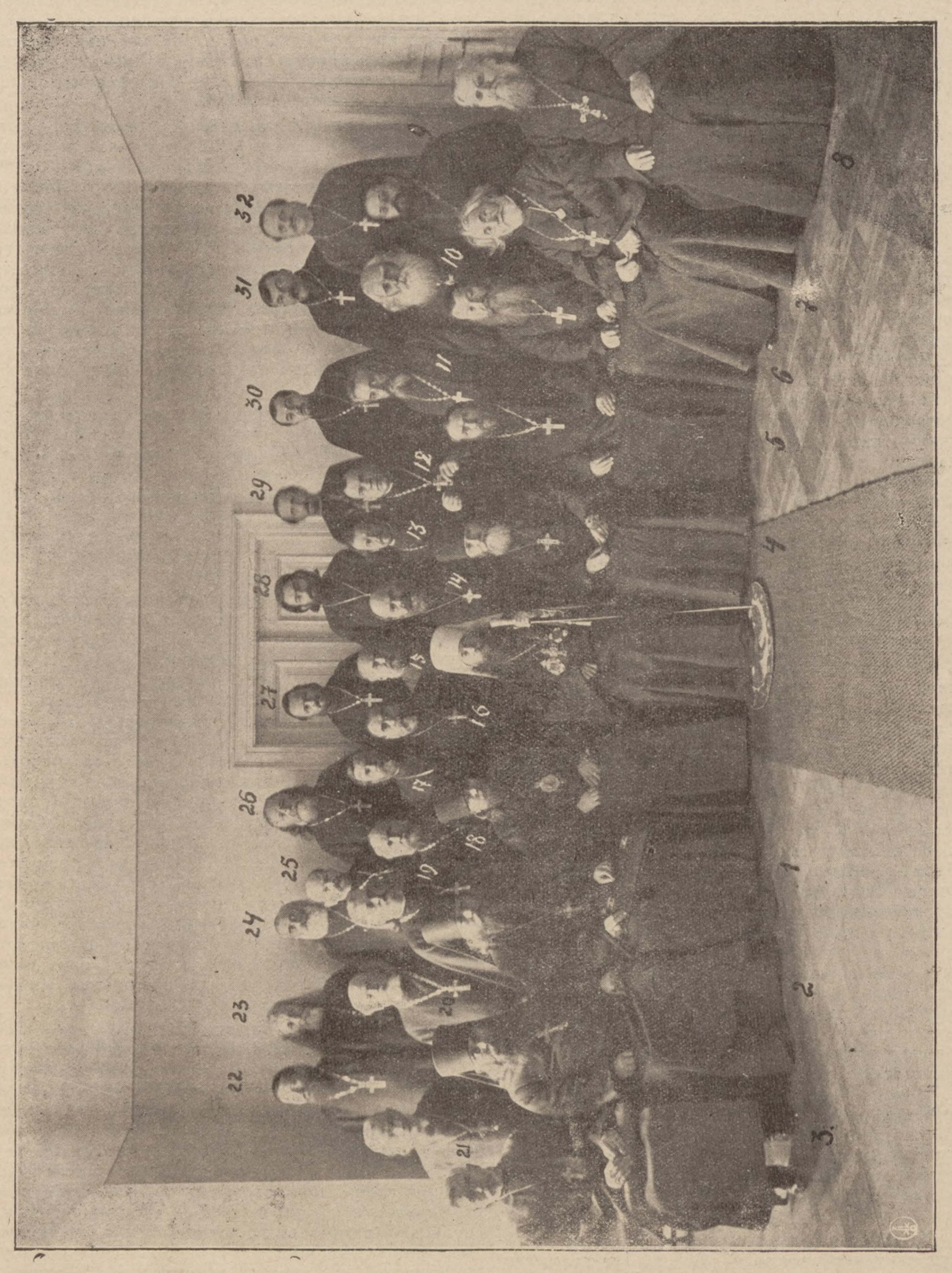
Далѣе, какъ объяснить совпаденіе этихъ абстрактныхъ представленій у Іерусалимскихъ апостоловъ съ міровоззрѣніемъ Павла? Какимъ образомъ установилась между ними связь? На всѣ эти и многіе другіе вопросы миѳологическая школа отвѣтовъ не даетъ, да и не можетъ дать.

Если ап. Павелъ дѣйствительно мыслилъ себѣ Христа, какъ нѣкую абстрактную идею, такъ что „искать у Павла слѣдовъ какого-то историческаго Іисуса, значитъ совершенно не понимать основного ядра, сущности религіознаго міровоззрѣнія Павла" 4), то способъ, который избрали Іерусалимскіе апостолы для подчиненія себѣ Павла, долженъ былъ дать отрицательные результаты. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы *Древсъ* былъ правъ, то апостолы, выдумавъ легенду объ историческомъ Іисусѣ, оказались бы въ положеніи человѣка, который хочетъ укрѣпить свой авторитетъ на принципѣ, который его соперникъ какъ разъ не признаетъ. Результаты такой попытки можно зоранѣе предугадать.

Допустимъ на минуту, что на землѣ дѣйствительно никогда не жила личность, носившая имя Іисусъ и явившаяся основательницей величайшаго въ исторіи человѣчества явленія—христіанства. Можно ли въ такомъ случаѣ объяснить ученіе Евангелій о совершенно конкретной личности, родившейся въ Виѳлеемѣ, проведшей въ Палестинѣ всю свою жизнь, изъ которой послѣдніе три года были посвящены пророческой дѣятельности, сопровождавшейся многочисленными чудесами, вплоть до воскрешенія разлагавшихся мертвецовъ,—личности, осужденной синедріономъ и распятой по приказанію римскаго намѣстника? Можно ли было выдумать эту исторію во второй половинѣ перваго вѣка, (а мы уже видѣли, что

1) „Миѳъ о Христѣ", стр. 144.
2) *Древсъ*, Цит. соч. стр. 122.
3) *Древсъ*. Цит. соч. стр. 170.
4) Ibid. стр. 113.

СОБРАНІЕ 10—12 ЯНВАРЯ С. Г. ВЪ ВАРШАВѢ. ДУХОВЕНСТВО.

1. Архим. Дамаскинъ, 2. Игум. Савватій, 3. Прот. В. Туркевичъ, 4. Архим. Поликарпъ, 5. Прот. В. Давидовичъ, 6. Прот. А. Рудлевскій, 7. Прот. Т. Теодоровичъ, 8. Прот. І. Гушкевичъ, 9. Прот. В. Хомичъ, 10. Прот. Д. Пекарскій, 11. Прот. І. Мельниковъ, 12. Прот. А. Павлюковскій, 13. Свящ. П. Волынцевичъ, 14. Прот. Ѳ. Валиковскій, 15. Прот. Н. Рогальскій, 16. Прот. С. Жуковскій, 17. Прот. С. Каминскій, 18. Прот. Попенко, 19. Прот. Н. Свирскій, 20. Прот. С. Грушко, 21. Прот. А. Соботовичъ, 22. Прот. Игнатовичъ, 23. Прот. М. Абрамовичъ, 24. Прот. А. Пинкевичъ, 25. Прот. Губаревъ. 26. Прот. В. Юзьвюкъ, 27. Прот. М. Тучемскій, 28. Свящ. С. Дюковъ, 29. Свящ. Н. Тучемскій, 30. Прот. М. Яковлевъ, 31. Прот. П. Пащевскій, 32. Прот. В. Любичъ,

СОБРАНІЕ 10–12 ЯНВАРЯ С. Г. ВЪ ВАРШАВѢ. МІРЯНЕ.

1. И. Гаврилюкъ, 2. К. Олешкевичъ, 3. С Слабушевскій, 4. О. Бобровичъ, 5. Н. Грумондзъ, 6. С. Тацкій, 7. Ѳ. Гуринъ, 8 И. Кпыловъ, 9. О. Корелинъ, 10. И. Шадурскій, 11. Г. Скульскій, 12. И Грипевичъ, 13. Ѳ Маркевичъ, 14 В. Ширяевъ, 15. Д. Цыбуля, 16 Х. Озеровъ, 17. Ѳ. Романовъ, 18. Н. Заремба, 19. С. Мохнюкъ, 20. А. Веремчукъ, 21. И. Петровскій.

Евангелія были написаны именно въ эту эпоху), т. е. черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ якобы имѣвшихъ мѣсто событій? Да и какихъ событій! Правда, Евангелія были написаны черезъ 3—4 десятка лѣтъ послѣ описываемой въ нихъ исторіи, но вѣдь въ промежуткѣ этого времени апостолы проповѣдывали о томъ же. Допустить противное значитъ поставить ихъ еще въ болѣе трудное положеніе, ибо они письменно свидѣтельствовали (см. книгу Дѣяній Апостольскихъ), что *непосредственно* послѣ сошествія Св. Духа (50 дней послѣ Воскресенія) они начали свою проповѣдь, если бы это не было такъ, то каждый смогъ бы ихъ упрекнуть во лжи, что они говорятъ, будто и раньше проповѣдывали о Христѣ и терпѣли за это гоненіе, тогда какъ никто ничего объ этомъ не знаетъ и не слышалъ, а наоборотъ зналъ ихъ за мирныхъ рыбаковъ, всецѣло поглощенныхъ своимъ ремесломъ. Если же допустить, что апостолы, какъ это описывается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, начали проповѣдывать черезъ 50 дней послѣ Воскресенія Христа, то неужели можно допустить, что можно выдумать и внушить всѣмъ, что еще нѣсколько недѣль назадъ жила личность, имя которой гремѣло по всей Палестинѣ,—которая обращала на себя всеобщее вниманіе, творила массу чудесъ, исцѣляя больныхъ и воскрешая мертвыхъ,—которая была въ день стеченія всей Палестины въ Іерусалимъ, при всѣхъ подвержена публичной смертной казни? Если бы это все было миѳомъ, то никто такимъ сказкамъ не повѣрилъ бы. Надъ апостолами въ лучшемъ случаѣ посмѣялись бы, сочтя ихъ за ненормальныхъ и, во всякомъ случаѣ, никто за ними не послѣдовалъ бы.

Съ первыхъ же дней своего существованія христіанская Церковь столкнулась съ іудейскимъ синедріономъ, а затѣмъ ей пришлось имѣть дѣло съ злѣйшими врагами, вродѣ Лукіана, Трифона, Цельса, Порфирія, Іуліана Отступника и др. Однако, всѣ враги христіанства не думали опровергать того, что Евангелія учатъ о Христѣ, какъ исторической личности. Въ Евангеліяхъ не замѣчается слѣдовъ апологіи историческаго Іисуса, это была истина столь очевидная, что она не требовала какой либо защиты.

Древсъ старается вывести идею историческаго Іисуса, основываясь на какомъ то миѳическомъ соперничествѣ апостоловъ. Онъ хочетъ доказать, что вначалѣ апостолы не мыслили себѣ Христа, какъ конкретную личность, и что иниціатива этой идеи принадлежитъ іерусалимскимъ апостоламъ. Мы видѣли, насколько вѣроятно это объясненіе. Теперь обратимся къ ап. Павлу.

„Сошествіе, смерть и воскресеніе Іисуса являются у Павла не историческими, временными событіями, а идеальнымъ, вѣчнымъ процессомъ"[1]), утверждаетъ *Древсъ*. Онъ однако ограничивается однимъ голословнымъ утвержденіемъ, да и это, впрочемъ, понятно. Стоитъ только прочесть посланія ап. Павла, чтобы убѣдиться въ противномъ. Посмотримъ, дѣйствительно ли ап. Павелъ мыслилъ Христа, какъ нѣкую абстрактную идею, чуждую всякой реальности?

Мы ограничимся для простоты только 4 посланіями (къ Римлянамъ, первое и второе къ Коринѳянамъ и къ Галатамъ), имѣя въ виду, что даже самая крайняя критика считаетъ ихъ подлинными твореніями ап. Павла.

Начнемъ съ того, что Павелъ два раза говоритъ объ Іаковѣ и прочихъ „братьяхъ Господнихъ" (1 Кор. 5, 9; Гл. 1. 19). Какимъ образомъ совмѣстить существованіе братьевъ Господнихъ съ образомъ Господа, живущаго внѣ времени и пространства?! Или быть можетъ и Іаковъ съ братьями не существовали? Этого одного примѣра достаточно, чтобы опрокинуть всю теорію миѳологической школы о неисторическомъ Христѣ ап. Павла. Но пойдемъ дальше. Посланіе къ римлянамъ начинается слѣд. словами: „Павелъ,

1) „Миѳъ о Христѣ", стр. 112.

Пять просфорокъ.

Быль.

Это было въ захолустномъ, полѣсскомъ селѣ О—ль, въ то старое, доброе время, когда люди какъ то проще, добрѣе глядѣли на міръ Божій; крѣпко держась за вѣру отцовъ и прадѣдовъ своихъ, ревниво оберегали ее отъ наносного, противнаго ихъ традиціямъ, заморскаго вѣянія и слова—церковь, священникъ—какъ нерушимый авторитетъ, произносились тономъ почтенія и довѣрія, и считалось грѣхомъ не идти въ церковь каждый Божій праздникъ, хоть одной душѣ изъ хаты, и не попостить щиримъ постомъ до окончанія обѣдни.

Въ этомъ патріархальномъ селѣ, какъ забытые осенью подъ елью грибы, спокойно доживали свой вѣкъ: старенькій батюшка о. Стефанъ, да неопредѣленныхъ лѣтъ, какъ бы засушенный впрокъ, псаломщикъ и старенькая, но еще бодрая, просфорня, вдова священника.

Тутъ же на ихъ глазахъ доживала свой сторокалѣтній вѣкъ и маленькая церковка; къ ней такъ всѣ привыкли, приглядѣлись, что и не замѣчали, какъ она съ каждымъ годомъ все ниже и безпомощнѣй присѣдала, кряхтѣла подъ натискомъ неумолимаго времени.

Давно всѣмъ извѣстно, что посѣщеніе Епископомъ сельскихъ приходовъ благотворно-оживляюще дѣйствуетъ на дремлющую (иногда) подъ ласковый шумокъ однообразной жизни энергію священника, заставляя его внимательнѣе оглядѣться на себя, на свою паству и на церковь.

Съ тревожной радостью ожидаемый Владыка вноситъ въ душу захолустнаго обывателя праздничное настроеніе и, какъ высоко стоящій, свѣтло и надолго оттѣняетъ пережитые, въ связи съ церковью, живые моменты въ его однообразной жизни.

Но село О—ль лишено было этого душу бодрящаго переживанія; проселочная дорога отъ него, чрезъ болото, была сплошная гребля (гать), изъ подъ нея высоко брызгала липкая грязь, попадая въ лицо путника, который, изъ боязни опрокинуться, половину дороги шелъ за возомъ, а потому и архіерей ни разу не проѣзжалъ черезъ село О—ль и церковь тамъ вспоминалась только тогда, когда съ низенькой колокольни задумчиво разливался никогда не старѣющій, душу трогающій звонъ церковнаго колокола.

Шли въ церковь; молились, жгли свѣчи и опять забывалась церковка до слѣдующаго праздника. Особенно грустно и болѣзненно скри-

рабъ Іисуса Христа, призванный Апостолъ, избранный къ благовѣствію Божію, которое Богъ прежде обѣщалъ черезъ пророковъ Своихъ, въ святыхъ писаніяхъ, о Сынѣ Своемъ, *Который родился отъ сѣмени Давидова по плоти*" (І, 1—3).

Значитъ, ап. Павелъ вполнѣ опредѣленно учитъ о Христѣ, какъ конкретной личности, происходящей изъ рода царя Давида, но не витающей въ заоблачныхъ высотахъ метафизики. *Древсъ*, какъ мы выше видѣли, авторитетно утверждалъ, что проявленія бытія Христа въ глазахъ ап. Павла, были не временными явленіями, но вѣчнымъ идеальнымъ процессомъ, т. е. внѣ времени и пространства. Между тѣмъ, въ томъ же посланіи къ Римлянамъ Павелъ пишетъ, что „Христосъ.. *въ опредѣленное время* умеръ за нечестивыхъ" (5. 6). Комментаріи, полагаемъ, излишни!

Наконецъ, *Древсу* и его послѣдователямъ, нужно было создать миѳъ о соперничествѣ іерусалимскихъ апостоловъ съ ап. Павломъ, тогда какъ исторія Церкви свидѣтельствуетъ совершенно иное, да и у ап. Павла мы находимъ текстъ, гдѣ особенно ярко сказывается параллелизмъ между его ученіемъ и ученіемъ другихъ апостоловъ, которые, какъ мы выше видѣли, учили объ историческомъ Іисусѣ.

Павелъ пишетъ: „Я *первоначально* преподалъ вамъ, что *и самъ перенялъ*, т. е, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что онъ погребенъ былъ и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати ученикамъ, потомъ явился болѣе нежели пятистамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть донынѣ живетъ, а нѣкоторые и почили; потомъ явился Іакову, также всѣмъ Апостоламъ, а послѣ всѣхъ явился и мнѣ, какъ нѣкоему извергу" (1 Кор. 15. 3—8).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что, во первыхъ, ап. Павелъ не думалъ создавать какого то самостоятельнаго ученія, но съ самаго начала своей проповѣди училъ тому, что самъ перенялъ отъ апостоловъ. Во вторыхъ, въ только что цитированной фразѣ особенно выпукло вырисовывается образъ Христа, какъ опредѣленной конкретной личности, совершенно тождественной съ Христомъ Евангелій.

На данныхъ примѣрахъ мы могли убѣдиться, насколько обоснованы положенія миѳологической школы, приходится только удивляться, какъ образованные люди могутъ утверждать совершенно очевидныя нелѣпости. Вѣдь достаточно только внимательно прочесть Павловы посланія, чтобы придти къ выводамъ, противоположнымъ миѳологической школѣ.

Свидѣтельства ап. Павла объ историческомъ Іисусѣ особенно цѣнны, ибо цитированныя нами посланія написаны на четверть вѣка раньше Евангелій. По словамъ *Прессансэ*, эти посланія „восходятъ къ эпохѣ, предшествовавшей его (Павла) заключенію, которое случилось въ 62 г. Достаточно пробѣжать эти посланія, чтобы найти на каждой страницѣ ихъ главнѣйшія событія жизни Іисуса Христа въ томъ видѣ, какъ они описываются въ нашихъ Евангеліяхъ. Божественное происхожденіе Іисуса Христа, Его уничиженіе, чудеса, крестная смерть, воскресеніе и царствованіе на небесахъ—всѣ эти великія событія Евангельской исторіи служатъ предметомъ увѣщеваній, пламенныхъ воззваній и таинственныхъ восхищеній апостола" [1]).

Мы, конечно, не отрицаемъ, что ученіе ап. Павла отличается своимъ абстрактнымъ характеромъ. Мысли апостола главнымъ образомъ царятъ въ области метафизики, онѣ силятся проникнуть въ глубины тайнъ Божіихъ, но это вовсе не означаетъ, будто Павелъ не училъ о Христѣ и какъ о человѣкѣ. И бывшій гонитель христіанства въ достаточной мѣрѣ говоритъ о Христѣ, какъ исторической личности, чтобы можно было, въ противоположность вздорному положенію миѳологической школы, утверждать, что ап. Павелъ

1) См. у *Геттэ*. Ренанъ передъ судомъ науки, стр. 422.

пѣла она, когда въ ночь предъ кануномъ Рождества Христова засыпало ее снѣгомъ почти до оконъ;—когда крестьяне не могли выйти на улицу, предварительно не раскопавъ предъ собой пушистый снѣгъ, наваливая его по обѣ стороны серебряной стѣной выше пояса. Въ ту ночь волки, чутьемъ угадывая продолжительность голода, отъ безпросвѣтныхъ заносовъ въ лѣсу, уныло завывали, смѣло подобравшись къ самому селу, чуя возможность попользоваться овцой или поросенкомъ, залѣзая въ сарай, сплетенный изъ лозы и тростника.

— Не къ добру такъ голосиць гэта паганеча, щобъ зновъ якой бѣды не навыли проклятые, —въ тревогѣ ворчалъ церковный сторожъ, пробиааясь съ лопатой на ночь въ свою сторожку; а на другой день, очищая отъ снѣга дорожки на погостѣ, онъ случайно взглянулъ въ верхъ и отъ неожиданности перекрестился:

— А що!.. я таки казавъ, що будзе бѣда... навыли лозатые..

А бѣда была въ томъ, что ночная вьюга расшатала дряхлый куполъ и тяжелый крестъ опустился, задерживаясь на верху поперечными концами.

Подошли къ церкви о. Стефанъ, съ тихой грустью, псаломщикъ—въ тупомъ раздумьи и сосѣди крестьяне, съ наивнымъ удивленіемъ; потолковали, заложивши руки въ карманы кожуховъ; полѣзли даже смѣльчаки на лѣстницу, потрогали жердиной куполъ,—„ничего, еще крѣпкій"—и порѣшили: авось чрезъ праздники не обрушится, а тамъ... „що покаже Господня воля"— и успокоенные разошлись по домамъ готовиться къ празднику и къ святому вечеру—кутьѣ.

О. Стефанъ, войдя въ церковь, прошелъ въ алтарь; стряхнулъ насыпавшійся изъ щели снѣгъ съ престольной пелены; прислушался къ порханью воробья подъ куполомъ, и безнадежный вздохъ пронесся по пустому храму, когда онъ дрожащими руками убиралъ престолъ къ завтрашнему празднику.

Сорокъ девять лѣтъ о. Стефанъ предстоялъ у престола своей церкви и какъ у груди любящей родной матери, всегда находилъ въ ней нравственный покой и утѣшеніе: онъ видѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ и церковка его старилась и медленно умирала, все же не переставая принимать въ свои святыя объятья всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, и когда крестъ ея, какъ покорная року голова, опустился, о. Стефанъ больно почувствовалъ живой упрекъ себѣ, какъ священнику, въ равнодушіи и забывчивости къ нуждамъ храма и его благолѣпію; но помочь не могъ, потому что приходъ былъ маленькій, бѣдный и въ

свидѣтельствуетъ о Христѣ, какъ о вполнѣ реальной личности.

Обращаясь къ отцамъ и учителямъ Церкви, мы находимъ единогласное утвержденіе того, что Іисусъ былъ исторической личностью. Ученіе о Спасителѣ, какъ о *Богочеловѣкѣ*, не появляется въ какой либо опредѣленный моментъ существованія христіанства, оно ведетъ свое начало съ самаго возникновенія Церкви и, какъ свидѣтельствуетъ исторія, ученіе это нигдѣ не прерывается.

Все это съ достаточной убѣдительностью говоритъ, что Христосъ не могъ не существовать, утверждать противное значило бы идти противъ свидѣтельствъ и очевидцевъ.

Но кромѣ этихъ послѣднихъ о Христѣ говоритъ цѣлый рядъ нехристіанскихъ писателей—современниковъ Христа и апостоловъ.

Начнемъ съ многонашумѣвшаго свидѣтельства знаменитаго іудейскаго историка перваго вѣка—*Іосифа Флавія*: „Около этого времени училъ Іисусъ, человѣкъ мудрый, если Его вообще можно назвать человѣкомъ. Онъ совершалъ изумительныя дѣянія и сталъ наставникомъ тѣхъ людей, которые охотно воспринимали истину. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ іудеевъ и эллиновъ, То былъ Христосъ. По настоянію нашихъ вліятельныхъ лицъ, Пилатъ приговорилъ Его къ кресту. Но тѣ, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третій день Онъ вновь явился какъ живой, какъ возвѣстили о Немъ и о многихъ другихъ Его чудесахъ боговдохновенные пророки. Понынѣ еще существуютъ т. наз. христіане, именующіе себя такимъ образомъ Его именемъ" 1).

Критика считаетъ этотъ текстъ подложнымъ, повидимому, она не ошибается, ибо, если бы *Іосифъ* дѣйствительно такъ писалъ, то онъ не былъ бы правовѣрнымъ іудеемъ, но—христіаниномъ. Все же довольно трудно признавать здѣсь абсолютную подложность. „Въ настоящее время, пишетъ *Прессансэ*, никто уже не держится мнѣнія о совершенной подложности той главы, которую Іосифъ въ своихъ Antiquitates посвящаетъ Іисусу Христу" 1).

Но этимъ свидетельства *Іосифа* о Христѣ не исчерпываются, обыкновенно упускается изъ вида другое цѣнное свидѣтельство даннаго историка, а именно, говоря о первосвященникѣ Аннѣ (Ананѣ), *Флавій* разсказывалъ, что послѣдній, улучшивъ удобный моментъ, „собралъ синедріонъ и представилъ ему Іакова, *брата Іисуса, именуемаго Христомъ*" 2).

Итакъ, *Іосифъ Флавій* вовсе о Христѣ не молчитъ, да если бы это даже такъ было, то это все еще не доказывало бы миѳическій характеръ Іисуса. *Флавій* ни слова не говоритъ о христіанствѣ, значитъ ли это, будто до 70 г.г. последнее не существовало?!

Въ Талмудѣ много говорится объ Іисусѣ. *Немоевскій* („Богъ Іисусъ") считаетъ это вставками христіанскихъ переводчиковъ. Но въ Талмудѣ Христосъ обрисованъ съ самой отрицательной стороны, что дѣлаетъ высказанное предположеніе совершенно невѣроятнымъ.

Римскіе историки и писатели точно также о Христѣ не молчатъ, Наиболѣе вѣскимъ свидѣтельствомъ являются слѣд. слова знаменитаго римскаго историка перваго вѣка—*Тацита* (Annales XV, 44): „Родоначальникъ этого имени (христіанъ) Христосъ былъ казненъ въ правленіе Тиверія прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ". О Христѣ упоминаютъ также ученый *Плиній Младшій* 3)—проконсулъ Виѳиніи въ письмѣ къ

1) *Іосифъ Флавій*. Іудейскія древности. Русск. переводъ Т. II, стр. 300.

1) *Геттэ*. Цит. соч. стр. 418.
2) „Іуд. древн." Т. II, стр. 412.
3) „...въ опредѣленный день они (вѣрующіе) собираются до восхода солнца и поютъ одинъ за другимъ гимны въ честь Христа, чтя Его какъ Бога. Въ подлинникѣ эта фраза ясно выражаетъ мысль, что христіане чтутъ Христа такъ, какъ если бы Онъ былъ кромѣ человѣка также Богомъ.

такой глуши, гдѣ съ успѣхомъ можно было примѣнить поговорку: „громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится", хотя церковь посѣщалась ими охотно.

Удрученный о. Стефанъ съ трудомъ опустился у престола на колѣни и молился: Господи, я уже старъ и немощенъ, но въ Твоей всемогущей волѣ—не дать мнѣ умереть, пока я не исправлю свой грѣхъ и не поддержу своими послѣдними силами сего возлюбленнаго мной, но въ суетѣ мірской оставленнаго въ небреженіи, храма.. Прости мнѣ Боже, помоги!.. руководи, Всемогущій, моимъ слабымъ разумомъ, въ этомъ святомъ дѣлѣ, — въ искреннемъ порывѣ шепталъ батюшка старичокъ и вышелъ изъ храма съ твердымъ рѣшеніемъ—отдать все свое имущество на устройство и поддержку своей возлюбленной Матери-Церкви.

Ты, Господи, мнѣ далъ его, Ты и возьми все, для этого св. дѣла,—счастливый своимъ неожиданнымъ рѣшеніемъ, говорилъ о. Стефанъ, приготавливаясь къ вечернему предпраздничному богослуженію.

Но Промыслъ Божій — всегда надъ нами. Престарѣлому священнику не пришлось жертвовать своимъ малымъ имуществомъ, какъ увидятъ мои любезные читатели изъ послѣдующаго моего правдиваго разсказа,

Ретиво отдалась предпраздничной суетѣ и старушка просфорня со своей подсусѣдкой, тоже одинокой вдовой Марьюшкой, чтобы успѣть до темна покончить всю работу.

— Ты, Марьюшка, сама ужъ управляйся коло печи; пусть раньше прокипитъ хорошенько, мягше будетъ; а узваръ потомъ поставишь въ духъ..., да намочи селедочку одну..., будетъ съ насъ двоихъ, а картофель, знаешь Марьюшка, поджарь сырую, въ олеяхъ, такъ вкуснѣе..., вотъ и у насъ, бѣдныхъ вдовушекъ, будетъ ужинъ—кутья, хоть не богато, но пріятно... Хорошо, что я еще вчера сварила кисель, а то пожалуй тебѣ бы и не управиться сегодня, Марьюшка,—озабоченно говорила хлопотунья просфорня, собираясь выдѣлывать просфоры,—а я сейчасъ не помощница тебѣ, нужно, чтобъ и руки были чистыя, и самой быть аккуратной и чистой; вѣдь дѣло важное, святое — печь просфоры; ихъ несутъ въ церковь, полагаютъ на жертвенникъ, въ св. Чашу на престолъ, и посуди сама, Марьюшка, какую страшную отвѣтственность предъ Богомъ берутъ на себя тѣ, кто небрежно, лишь бы спихнуть съ рукъ, приготавливаютъ просфоры, а я всегда помню это, приступая къ этому св. дѣлу, —все время съ умиленіемъ говорила просфорня, быстро катая изъ тѣста шарики, и раскладывала ихъ на бѣлую бляху.

императору Траяну, написанномъ черезъ года два послѣ смерти св. Іоанна (Epist. X, 96), а также римскій историкъ второго вѣка—*Светоній* въ сочиненіи „Жизнь Нерона“ (16).

Наконецъ, бывшій языческій философъ *Іустинъ* муч. (нач. II в.) въ своей „Апологіи“ къ императору Антонину Пію говоритъ объ актахъ Пилата, присланныхъ по требованію императора Тиберія, какъ отчетъ о казни Іисуса. Эти акты до насъ не дошли, однако невѣроятно предположить, будто они вообще не существовали. Вѣдь тѣ, кому данная „Апологія“ писалась, могли тотчасъ же провѣрить сообщаемое.

Послѣ столькихъ свидѣтельствъ лицъ совершенно безпристрастныхъ ко Христу и христіанству, казалось бы вопросъ объ историчностиІисуса долженъ былъ бы считаться разъ навсегда исчерпаннымъвъ положительномъ смыслѣ. Такъ дѣйствительно было бы, если споръ касался бы какого нибудь другого лица. Но поскольку вопросъ о личности Христа, какъ мы выше видѣли, затрагиваетъ цѣлый рядъ другихъ чрезвычайно важныхъ проблемъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ практической жизни, постолько многимъ *нужно* во что бы то ни стало найти вполнѣ опредѣленное разрѣшеніе данной проблемы.

Изучая данный вопросъ съ заранѣе готовымъ выводомъ, они готовы на все, лишьбы результатъ ихъ изслѣдованія совпалъ съ предвзятой точкой зрѣнія. Послѣ этого неудивительно, что имѣются люди, которые утверждаютъ, будто Христосъ — личность миѳическая, не смотря на то, что всѣ данныя говорятъ какъ разъ обратное.

Дѣйствительно, образъ евангельскаго Іисуса есть образъ живой, конкретной личности. Это человѣкъ, который радуется, печалится, дѣйствуетъ, проповѣдуетъ, это не какой нибудь манекенъ, но реальное существо.

Да и если Христосъ не существовалъ, то кто же создалъ христіанство — это высочайшее ученіе, построенное на принципахъ въ корнѣ противоположныхъ міровоззрѣнію предшествовавшей эпохи. Говорятъ, Павелъ создалъ христіанство, но въ томъ то и дѣло, что самъ ап. Павелъ отрицаетъ за собой эту честь. Онъ неоднократно утверждаетъ, что проповѣдуемое имъ не его ученіе, но Христа [1]), что онъ (Павелъ) учитъ тому, что самъ перенялъ отъ прочихъ апостоловъ. Могли ли эти послѣдніе сами создать христіанство?

Откуда простымъ, неученымъ рыбакамъ было основать ученіе, которое въ теченіе 2 000 лѣтъ, несмотря на культурный и умственный прогрессъ человѣчества, продолжаетъ поражать всѣхъ своей высотой, величіемъ и совершенствомъ. *Джонъ Стюартъ Милль*, котораго въ какихъ либо особыхъ симпатіяхъ къ христіанству трудно обвинить, совершенно правильно замѣчаетъ слѣд.: „Кто изъ учениковъ Христовыхъ былъ бы въ состояніи изобрѣсти рѣчи, вложенныя въ уста Іисуса, или выдумать такую жизнь и такой характеръ, какъ изображаютъ намъ Евангелія? Конечно, не галилейскіе рыбаки и еще менѣе того другіе писатели первыхъ вѣковъ христіанства“ [2]).

По словамъ *Ж. Ж. Руссо* „Нашъ разумъ готовъ скорѣе принять, что одно лицо своею жизнью дѣйствительно дало содержаніе евангельской исторіи, чѣмъ допустить, будто нѣсколько лицъ, сговорившись, сочинили такую исторію. Іудейскіе писатели не въ состояніи были изобрѣсти ни такого типа, ни такой нравственности. Евангеліе носитъ на себѣ такіе высокіе, удивительные и совершенно неподражательные слѣды мудрости, что изображатель заслуживалъ бы большаго удивленія чѣмъ герой“ [3]).

Слѣдовательно, предположить, будто апо-

---

1) Ср. 1 Кор. 3. 4 и дальше.

2) Цит. у *Свѣтлова*. Христ. вѣроуч. въ апол. изложеніи. Т. II, стр. 515.

3) Ibid. ст. 515.

— Вотъ мы и кончили свою работу!.. а какія удачныя вышли просфорки!—весело воскликнула старушка, снимая съ себя бѣлый передникъ, а теперь, Марьюшка, ты скорѣй ставь самоваръ и за чайкомъ мы отдохнемъ, пока позвонятъ въ церковь.

Вечернее чаепитіе — это былъ любимый часъ отдыха для одинокой просфорни, любившей, подумать и почитать. Подъ монотонную пѣсню блестѣвшаго самовара суета о насущномъ хлѣбѣ и людскія обиды на нѣкоторое время забывались, думы ширились, свѣтлѣли и миръ охватывалъ ея живую душу; а этотъ предрождественскій вечеръ она особенно чтила и любила; какая то тихая, сердцу милая пріятность навѣвалась отъ каждаго предмета, отъ пахучей чистоты и даже отъ молчаливой, по праздничному убранной, бѣдности и было такъ хорошо ей, что не хотѣлось, чтобы двигалось время, чтобы ничто не измѣнилось...

Самоваръ затихъ. На покрытомъ бѣлыми половиками полу шалила со своимъ хвостикомъ бѣленькая кошечка и, вцѣпившись въ платье просфорни, вывела ее изъ пріятной задумчивости; она встала: поправила лампадку и, продолжая вслухъ мечтать, тихо шепнула: Боже мой.., водвори миръ на землѣ, правду и любовь въ людяхъ, тогда и мнѣ будетъ хорошо. Этой каждодневной молитвой старушка какъ бы благословляла начало и конецъ дня; она уже начала было собираться ко всенощной; но вотъ въ низенькомъ оконцѣ вырисовалось круглое, съ приплюснутымъ носикомъ, румяное личико дѣтское и на крылечкѣ ея домика послышался топотъ ногъ и въ комнату вошли колядники со звѣздой, внутри которой теплилась восковая свѣча, освѣщающая образокъ Рождества Христова.

Добрый вечоръ! дозвольце пѣсню заспѣваць, Христа звеличаць? — бойко крикнули всѣ въ одинъ голосъ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ и, не дождавшись отвѣта, откашлявшись въ маленькіе, отъ холода покраснѣвшіе, кулачки, звонко запѣли переходящую изъ рода въ родъ, но всегда новую и родную имъ пѣсню — коляду:

Цемна ночка наступила, въ Виѳлеемѣ всѣхъ збудзила;
Пошла слава къ Назарету, пошла слава по всемъ свѣту:
Увесь свѣтъ же взвеселився, що Христосъ Богъ народзився.
Ясна зоря засіяла, три алтари показала,
А на тые три алтары приносили Христу дары.

столы создали христіанство и Христа, значитъ попасть въ несравненно болѣе трудное положеніе, чѣмъ допустить историческое существованіе Іисуса.

Другіе говорятъ, что христіанство создала не одна личность, а цѣлая эпоха, что опредѣленныя соціально экономическія и др. условія были причиной возникновенія этого ученія. Но все это одни слова, лишенныя при томъ убѣдительности. Христіанство появилось въ опредѣленный историческій моментъ, какъ законченное въ основѣ религіозное ученіе.

Достаточно хотя бы самымъ поверхностнымъ образомъ ознакомиться съ сухой іудейской книжностью современной Христу эпохи, книжностью, построенной на мертвой казуистинѣ. на буквѣ закона, —неоживотворенной свѣжей, творческой мыслью, чтобы понять ту огромную пропасть, которая лежитъ между іудейскимъ міросозерцаніемъ и христіанскимъ.

Христіанство не возникало постепенно, чтобы можно было говорить, будто его создала цѣлая эпоха, оно появилось внезапно и притомъ, въ законченномъ видѣ. Человѣчество почувствовало неожиданный толчокъ, настолько сильный, что онъ почти мгновенно сокрушилъ тѣ основанія, на которыхъ покоилось міросозерцаніе античнаго міра. Значитъ, должна была существовать въ исторіи личность, въ чьей головѣ созрѣло это необыкновенное ученіе, эта личность, какъ свидѣтельствуетъ намъ исторія, называлась Іисусомъ Христомъ.

Значитъ, Христосъ все таки существовалъ, какъ историческая личность, къ этому выводу насъ приводятъ, съ одной стороны, историческіе факты, и, съ другой, здравый смыслъ, говорящій намъ, что христіанство должно было имѣть своего основателя.

(Продолженіе будетъ).

Г. Пападопуло.

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЦЕРКОВНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.*)

II. Внѣшній обликъ священника.

Однимъ изъ внѣшнихъ соблазновъ, постепенно опустошающихъ нашъ сложившійся православный церковный бытъ, и вводящихъ очень многихъ въ искушеніе,—это измѣненіе внѣшняго обличія духовнаго лица, выражающееся въ томъ, что православные священники, особенно молодые, носятъ короткіе волосы, брѣютъ подбородки и даже усы, носятъ вмѣсто подрясниковъ (разумѣется, внѣ церкви и не за богослуженіемъ) свѣтскій костюмъ; наконецъ, стали носить военные мундиры. И эта мода захватываетъ не только мірское—бѣлое духовенство, но даже монашествующее... О значеніи одежды вообще не приходится здѣсь говорить, но всѣмъ извѣстно, что та или другая одежда—по формѣ, даже цвѣту, имѣетъ глубокую связь съ настроеніемъ эпохи, съ значимостью лица, класса, общественнаго, служебнаго положенія и, наконецъ, личнымъ настроеніемъ такъ или иначе одѣвающагося. Только интернаціоналъ хотѣлъ бы сдѣлать всѣхъ одинаковыми, безцвѣтными, безличными, стадными.

Обращаясь къ исторіи, мы знаемъ, что еще до VI-го Вселен. Собора (680 г.) вошло въ обычай, чтобы священники и всѣ клирики, какъ люди особенные въ обществѣ, одѣвались въ свои особенныя одежды, ибо въ правилахъ помянутаго Собора читаемъ: „Никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути, *но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ!* („Исторія Церкви“ Е. Голубинскаго, т. I, первая половина тома, стр. 465. „Правила Прав. Церкви“ съ толковъ Еп. Никодима, т. I, стр. 509). И такой одеждой былъ у грековъ иматій рукавный—кавводій (родъ накидки—плаща) изъ черной матеріи, т. е. изъ одеждъ, употреблявшихся въ міру, греки избрали одежду тра-

*) См. „Воскресное Чтеніе“ № 4.

Христа Матерь заплакала, на колѣнечки [упала,
Свойго Сына взгодовала, а по смерци въ [небѣ стала..

Еще отзвукъ громкой пѣсни, рѣзко колебался въ маленькой комнаткѣ просфорни, когда самый бойкій мальчикъ, повертывая звѣзду, быстро, однимъ тономъ заговорилъ:

Проздравляемъ васъ, господа! мы пришли къ вамъ сюда, всѣмъ разсказать, що звѣзда пришла показаць, гдѣ Христосъ народился, а Иродъ царь взмутился; позвалъ онъ съ Востока трехъ мудрецовъ и велѣлъ перебиць виѳлеемскихъ младенцовъ; какъ перебили ихъ четыре тысячи—надесять, такъ ихъ матки горько плакали, говоря: ахъ Иродъ, Иродъ! зачѣмъ ты нашимъ дѣтямъ зло творишь? наши дѣти ничего не знаюць, за гострый мечь голыми ручками хватаюць... А затѣмъ многи лѣта, многи лѣта, многи лѣта вамъ!

Произнеся безъ передышки эту поздравительную рѣчь, маленькій ораторъ провелъ рукавомъ у себя подъ носомъ и задорно посмотрѣлъ на просфорню.

Молодцы хлопцы! хорошо пропѣли, спасибо, что зашли ко мнѣ со звѣздою., но что же мнѣ вамъ дать?—забезпокоилась просфорня, —ахъ, подождите, дѣтки... у меня есть лишнія просфорки; это для васъ самый подходящій подарокъ..., вотъ вамъ всѣмъ по одной, берите... ну?. что же вы?

Но мальчики не трогались съ мѣста, а о чемъ то тревожно шептались, и потомъ одинъ изъ нихъ, съ улыбкой бѣгая хитрыми глазками по всей комнатѣ, несмѣло сказалъ:

— Намъ не треба проскурки; намъ дайце гроши; мы купимъ себѣ цукерковъ, обаранковъ.

— Не правда! бсщо жъ не правда!—быстро возразили дѣвочки, которымъ очень хотѣлось получить просфорки,—воны купляць собѣ папиросы, запалки, пиво, а намъ ничего не дадуць.

— Паперосы?.. пиво?.. вы такіе еще маленькіе и уже курите? пьете пиво, и для этого собираете деньги, со звѣздою,—въ ужасѣ воскликнула просфорня,—ахъ Боже, Боже! что это за дѣти теперь?.. ахъ, ахъ! страшно даже подумать... и кто эго научилъ васъ, гадкіе мальчишки.., а я теперь за это не дамъ вамъ ничего: а эти просфоры, что я хотѣла вамъ дать... возьмите себѣ дѣвочки, а этимъ сорванцамъ не давайте.

Но сорванцы не сконфузились, съ задорной улыбкой, какъ бы подчеркивая право сильнаго, презрительно толкая довольныхъ дѣвочекъ, гурьбой вышли на улицу; а тамъ самый старшій изъ нихъ, девятилѣтній Петька, какъ бы нечаянно пихнулъ дѣвочку въ снѣгъ; бумажный мѣшочекъ съ просфорами

рную, поелику она болѣе всего приличествовала, какъ одежда наиболѣе скромная и степенная во всякомъ случаѣ цвѣть темный или темно-красный (Голубинскій, стр, 466). Въ русской Церкви *иматій* соотвѣтствовалъ *однорядкѣ*, нынѣ подряснику, ибо ряса болѣе поздняго происхожденія,—у грековъ—во время турецкое, а нами усвоена отъ грековъ только уже въ половинѣ XVII в. (Патр. Никонъ).

Итакъ, путемъ преемственности отъ грековъ, съ другой стороны—связью съ народной одеждой (под девкой) образовался тотъ типъ „духовной одежды", который выражался въ ношеніи подрясника (очевидно—названіе принятое уже по введеніи рясы) и рясы-верхней выходной одежды. Такая одежда неотъемлемо сохранялась во всемъ духовенствѣ б. Россійской Имперіи, въ томъ числѣ и военномъ. Исключеніе составляло заграничное духовенство, гдѣ допускались длинные сюртуки, по примѣру пасторовъ. И потому, когда Варшавская Консисторія въ 1905 г. отъ имени духовенства г. Варшавы возбудила ходатайство предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи Варшавскому духовенству на улицѣ носить свѣтскую одежду въ виду враждебнаго отношенія къ русскому населенію со стороны нѣкоторыхъ слоевъ мѣстнаго общества Св. Синодъ отказалъ съ укоромъ, что въ жизни Церкви были и болѣе трудные моменты, но духовенство не мѣняло своего внѣшняго облика. Вопросъ объ одеждѣ обсуждался и въ „Отдѣлѣ Церковной Дисциплины" на Всероссійскомъ Московскомъ Церковномъ Соборѣ (1917—1918 гг.), при чемъ делегаты западныхъ епархій, главнымъ образомъ Рижской и Варшавской, склонялись къ тому, чтобы было предоставлено право въ извѣстныхъ случаяхъ пользоваться свѣтскимъ одѣяніемъ (напр, длинное путешествіе и т. п,); но большинство требовало сохраненія духовной одежды, при чемъ, напр., Товарищъ Предсѣдателя Отдѣла Проф. Прот. Рождественскій утверждалъ, что замѣна духовной одежды на свѣтскую для нашего духовенства, въ общемъ мало дисциплинированнаго, можетъ послужить соблазномъ для слабыхъ посѣщать мѣста, не отвѣчающія достоинству священнаго сана. И развѣ въ этомъ нѣтъ доли правды?! Вопросъ объ одеждѣ по недостатку времени не дошелъ до пленарнаго засѣданія Собора, но едва ли бы онъ былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, т. е. въ пользу свѣтской одежды для духовенства, судя по характеру обсужденія его въ засѣданіяхъ Комиссій,—во всякомъ случаѣ съ большими ограниченіями.

Съ одеждой тѣсно связанъ вопросъ о *волосахъ*. Ношеніе длинныхъ волосъ явилось характернымъ признакомъ облика восточно-православнаго духовенства, и короткихъ — западнаго инославнаго. И въ этомъ вопросѣ есть своя исторія. Въ первые вѣка христіанства клирики не отличались внѣшностью отъ мірянъ и — особенно въ эпоху гоненій — подстригали волосы и бороду подобно мірянамъ. Имѣло значеніе и наставленіе ап. Павла (1 Коринө. 11, 14-15) и ап. Петра вѣрующимъ—подстригать волосы, ибо это знакъ смиренія, въ сравненіи съ язычниками, которые кичатся своими длинными волосами. Апостольскія Постановленія (около 4 вѣка) предписываютъ, чтобы никто не отпускалъ длинныхъ волосъ, а прилично подрѣзывалъ бы ихъ. Но исторически вырабатывается еще особый способъ выстриганія волосъ на темени у клириковъ, такъ называемое гуменце или папалитра (образъ терноваго вѣнца), о которомъ говоритъ VI Всел. Соборъ въ 21 правилѣ, предписывая низложеннымъ, но раскаявшимся священнослужителямъ: „да стригутся по образу клира". Были способы постриженія волосъ снизу и сверху на подобіе креста, но выстриженное гуминце, по свидѣтельству многихъ, было обычаемъ не только Западной, но и Восточной Церкви, а по свидѣтельству проф. Е. Голубинскаго, у русскаго духовенства, носившаго волосы сначала „въ кружскъ", [1]) гуменце (папалитра) было въ обычаѣ вплоть до начала XIX ст. [2]) Въ XIX ст., вторая половина котораго еще на памяти у насъ, доживающаго поколѣнія, выработался типъ православнаго священника — въ рясѣ съ широкими рукавами, во всякомъ

[1]) См. снимокъ гравюры Висбаденскаго музея: „Молебенъ посольства кн. З. Сугорскаго въ Германію 1576 г." Воскр. Чт. 1926, № 42, стр. 658.

[2]) Всѣ данныя „о волосахъ" взяты изъ книги Епископа Никодима: „Правила Православной Церкви", т. 1. стр. 494—497.

отлетѣлъ въ сторону; буянъ только этого и ждалъ: схвативши мѣшочекъ и крикнувъ на бѣгу"—хлопцы, завтра подѣлимъ"!—стрѣлой пустился бѣжать по направленію къ усадьбѣ помѣщика.

На правахъ сына помѣщичьей кухарки, Петька смѣло вошелъ во дворъ; погладилъ пр..-ласкавшуюся къ нему дворовую собаку, заглянулъ въ окно. Осторожно отворивъ дверь въ большую свѣтлую кухню, тихо вошелъ и, вынувъ изъ за пазухи мѣшочекъ съ просфорами, озабоченно, трусливо оглядѣлся вокругъ, гдѣ бы ихъ спрятать, до завтрашней дѣлежки, но, заслышавъ шаги изъ комнаты, онъ быстро пихнулъ мѣшочекъ на полку, а самъ, предугадывая нагоняй отъ матери за баловство „съ мужиченятами", какъ муха взлетѣлъ на печку и притворился спящимъ.

Вошла въ кухню кухарка съ самоваромъ; вошла за ней и помѣщица; замѣтивъ на полкѣ бумажный мѣшочекъ, заглянула въ него.

— Что это? просфоры... Откуда?.. кто ихъ принесъ, Агафья? Неужели это просфорня прислала? чрезъ кого?—сыпала вопросами удивленная помѣщица.

— А я не знаю, барыня, кто ихъ принесъ; не Петька ли? онъ шельмецъ поди весь вечеръ гдѣ то шлялся, безъ спросу,—и заглянула на печку,—такъ и есть, сапоги мокрые...

— Петька! ты принесъ просьвирки? кто тебѣ ихъ далъ? слышь, барыня спрашиваетъ!

Петька, какъ мячъ, спрыгнулъ съ печи и растерянно молчалъ.

— Да што ты, глупый, въ молчанку играешь? аль не видишь—барыня спрашиваетъ, гдѣ взялъ просьвирки?

Петька, быстро сообразивъ, что за злую правду благонравная мать дастъ ему проборку, рѣшился лучше солгать предъ доброй барыней:

— Что ты, мамка, ругаешься зря! мнѣ дала просьвирки проскурня и сказала, снеси барынѣ, вотъ я и принесъ.., хотѣлъ барынѣ посля подать.

— Вотъ неожиданный сюрпризъ! и что это ей вздумалось наградить насъ просфорами?—пріятно удивляясь, войдя въ ярко освѣщенную столовую, помѣщица Катерина Петровна обратилась къ мужу своему Константину Ильичу,—посмотри, другъ мой, какія онѣ бѣленькія, съ румянцемъ, и вообрази... какъ разъ — по числу нашей семьи: пять просфорокъ; удивительно и не понятно такое вниманіе старушки къ намъ, вѣдь она ни разу не была у насъ.

(Окончаніе будетъ).

Софія Прорвичъ.

случаѣ въ подрясникѣ и съ длинными волосами, — послѣднее не безъ вліянія монашества. На западной окраинѣ б. Россіи, въ частности въ Варшавско-Холмской епархіи, подъ вліяніемъ бывшаго уніатства и вообще западныхъ вліяній, волосы большинствомъ духовенства, особенно изъ мѣстныхъ, подстригались, несмотря на строгость въ этомъ отношеніи, особенно Архіеп. Флавіана, но подстригались они такъ прилично, что удлиненныя сзади закрывали всю нижнюю часть головы вплоть до ворота рясы.. Если это не отвѣчало типу великороссійскаго священника съ длинными волосами, и потому иногда не въ должномъ порядкѣ или заплетенными въ косу, даже при выходѣ на улицу, — то во всякомъ случаѣ принятая у насъ форма подстриженныхъ волосъ не закрывала, такъ сказать, облика духовнаго. Священника всякій могъ узнать, не только по одеждѣ, но и по покрову волосъ. Такъ было до войны и революціи [4]). Война имѣетъ свои права и свое беззаконіе; она и особенно революція создали такія условія, что многимъ изъ духовенства приходилось думать не о той или другой одеждѣ, а только бы была какая-либо.... Къ нуждѣ присоединилось распоряженіе Ленина въ Россіи (1921 г.), чтобы духовные, состоящіе на службѣ казенной, ходили только въ свѣтской одеждѣ. Но теперь когда жизнь у насъ приблизилась къ нормальнымъ услов'ямъ, есть ли основаніе быть безразличнымъ къ вопросу о внѣшнемъ обликѣ священника, предоставивъ выборъ одежды и вообще всего своего внѣшняго облика вкусу каждаго духовнаго лица? Или этотъ вопросъ подлежитъ церковной регламентаціи, какъ это было въ древнія времена и до самаго послѣдняго времени? Это недоумѣніе проще разрѣшается въ связи съ отвѣтомъ на вопросъ: *нужно-ли въ общемъ теперь внѣшнее оказательство своего званія священнику, полезно-ли оно и, наконецъ, возможно-ли оно въ странѣ, по преимуществу инославной?* Слава Богу, вполнѣ возможно, начиная съ столицы — Варшавы. Насъ не стѣсняетъ даже уличная публика, не задѣваетъ (бываютъ, но рѣдкіе случаи), намъ духовнымъ иногда оказываютъ особое вниманіе и уваженіе, напр., въ вагонѣ — предоставленіемъ мѣста, но *только какъ священнику*. Но полезно-ли ношеніе духовной одежды для дѣла пастырства? Несомнѣнно. Помимо своихъ историческихъ основаній, длинная широкая одежда, съ соотвѣтствующимъ покровомъ волосъ, даетъ священнику видъ особой серьезности, а самого священника связываетъ обязательствомъ нѣкоторой солидности; — это своего рода „духовный мундиръ", у котораго есть своя „честь", обязывающая и носителя его и окружающихъ. И проходящее — даже въ толпѣ — духовное лицо невольно останавливаетъ на себѣ не только простое любопытство, но и доброе вниманіе. Приходится замѣчать, что даже буйная современная молодежь при проходѣ духовнаго лица стыдливо затихаетъ, инстинктивно чувствуя въ проходящемъ пастыря — служителя Божьяго, провозвѣстника чего-то иного, не того безудержнаго, порой наглаго, что часто отличаетъ современную улицу. Правда, проходятъ тѣ времена, — и мы сами тому помогаемъ, — но все же попадаются и теперь люди, которые, видя священника, благоговѣйно просятъ благословенія даже на улицѣ. А не бываетъ ли такихъ случаевъ, что рядомъ съ вами проходитъ неутѣшное горе, на порогѣ отчаянія, и, видя служителя Христа, это горе — отчаивающееся — найдетъ въ васъ узду для намѣреннаго беззаконія, рокового шага, якорь спасенія.... Итакъ, собратъ, вы нужны на улицѣ, нужны во многихъ общественныхъ собраніяхъ, б. м. даже на серьезныхъ благородныхъ зрѣлищахъ (конечно, рѣчь не о тѣхъ, о которыхъ говорилъ Св. Златоустъ), *но въ своемъ настоящемъ обликѣ*. Углубляясь въ психологію этого внѣшняго модернизированія молодого духовенства, я не могу мыслить иной причины этого „переодѣванія", какъ только — *стыдъ своего священнаго званія*, въ основѣ котораго лежитъ *неуваженіе къ своему священству* и, потому, желаніе скрыть его передъ внѣшними и раствориться въ толпѣ, т. е. не хватаетъ въ нашу злосчастную эпоху даже *такого* минимальнаго „исповѣдничества". Отмѣченная нами эволюція внѣшняго облика духовенства, намъ думается, въ будущемъ отрицательно отразится на авторитетѣ священства, какъ званія особеннаго, принявшаго на себя особенный жребій.

Оно — духовенство — постепенно стало бы сливаться съ міромъ; вмѣстѣ съ одеждой мірянина, естественно, оно усвоило бы „психологію мірскую" и приблизилось бы къ тѣмъ „наставникамъ" и „проповѣдникамъ", за которыми мы — и они сами — не признаютъ священнаго достоинства, ибо отрицаютъ самое таинство священства. Наконецъ, зачѣмъ-же тогда сохранять свою духовную одежду въ храмѣ, вѣдь въ концѣ концовъ, не все ли равно на что одѣть ризу, стихарь — на подрясникъ или пиджакъ, — вѣдь все это для людей, а не для Бога; — слѣдовательно, если духовная одежда нужна въ храмѣ, она съ такимъ же правомъ нужна и внѣ храма, ибо священникъ — не актеръ, роль котораго нужна только на сценѣ. Священникъ всюду, не только въ храмѣ, остается и долженъ оставаться священникомъ, ибо весь міръ — есть храмъ Божій, и священнодѣйствіе пастыря нужно не только на солеѣ и въ алтарѣ церкви, но и на тротуарѣ Маршалковской улицы, въ вагонѣ трамвая и б. м. даже въ концертномъ залѣ Филармоніи....

Впрочемъ, да и не подумаетъ читатель, что своимъ освѣщеніемъ вопроса о духовной одеждѣ мы придаемъ ей какое-то сакраментальное значеніе; одежда тѣла есть *только одежда*, и потому исключенія, въ смыслѣ употребленія соотвѣтствующей свѣтской одежды, возможны, какъ, напр., длинное путешествіе, поѣздка за границу, земледѣльческая работа въ полѣ и, б. м., другіе случаи, не нарушающіе общаго дисциплинарнаго правила о внѣшнемъ обликѣ священника.

(*Окончаніе будетъ*).

Протопресвитеръ Т. Теодоровичъ.

РЕЛИГІОЗНО-НРАВСТВЕННЫЕ НЕДУГИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ И ПАСТЫРСКОЕ ВРАЧЕВАНІЕ ИХЪ.

Прислушиваясь къ шуму современнаго движенія и къ диссонансамъ гармоніи между христіанствомъ и явленіями общественной жизни, мы замѣчаемъ, что ужасающее зло нашего времени перестало быть тайной; это — матеріализмъ, принимающій среди всеобщей, необузданной жажды къ блеску и наслажденію разнообразныя формы и скрывающійся подъ разными видами. Мы достигаемъ неслыханной степени умственнаго и нравственнаго разложенія. Исторія видѣла времена болѣе испорченныя и худшія въ духовномъ отношеніи, но никогда еще, съ тѣхъ поръ, какъ мыслящее человѣчество сдѣлалось христіанскимъ, она не встрѣчала въ немъ подобной анархіи въ разумѣ. Обнаруженіе такого состоянія современнаго общества трезвая христіанская мысль видитъ въ постепенно распространяющемся индифферентномъ отношеніи об-

[4]) Помню, когда Варшавскій военный священникъ, вслѣдствіе экземы, долженъ былъ снять волосы и носить совершенно короткіе, онъ попросилъ на то особое разрѣщеніе Архіеп. Николая.

щественнаго мнѣнія къ высокимъ для человѣчества идеямъ истины и добра.

Въ области христіанской религіи рѣзко выдаются два факта: постепенно усиливающаяся борьба и враждебность отношеній между защитниками и противниками христіанства съ одной стороны, съ другой —тревожное прислушиваніе общества къ этой борьбѣ, смутное безпокойство и недоразумѣніе во многихъ умахъ, теряющихъ упованіе найти успокоеніе въ существенныхъ началахъ христіанской религіи. Въ результатѣ получается странное смѣшеніе истины съ заблужденіемъ, добра со зломъ въ умственной и нравственной жизни, — борьба высокихъ и честныхъ идей съ самыми противоположными, разрушительными инстинктами и тенденціями, въ результатѣ чего вѣра и любовь между христіанами слабѣютъ, одни подобно юродивымъ дѣвамъ дремлютъ или спятъ въ религіозной безпечности другіе колеблются между Христомъ и веліаромъ. Врата ада разносятъ духъ отрицанія, духъ сомнѣнія, — духъ анархіи, который носится въ нравственной атмосферѣ, какъ духъ своеволія, ищущаго полнаго простора для всѣхъ своихъ вожделѣній, какъ духъ озлобленія противъ всего, что сдерживаетъ своеволіе, — какъ духъ хулы, глумленія и насмѣшки надъ всѣмъ, что почему либо не нравится, и особенно — надъ властію, когда она не угождаетъ господствующимъ страстямъ. Этотъ духъ всюду проникаетъ, всюду входитъ и дверемъ затвореннымъ является на всѣхъ поприщахъ жизни, направляя сокрушительные удары противъ самыхъ основъ гражданственности, какъ формы, и религіи, какъ содержанія человѣческой жизни.

Настоящее молодое поколѣніе какъ будто готовится дать исторіи только беззаконія, злосчастія, болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ велико общество болѣющее! Больницы не вмѣщаютъ болящихъ, и сильно болѣютъ не одни взрослые, болѣютъ отъ необычныхъ болѣзней и въ необычномъ числѣ и дѣти, т. е. болѣетъ не только современное поколѣніе, но и будущее. Какъ велико общество преступное! Мѣста заключенія переполнены виновными и подсудимыми. Какъ велико общество бѣдствующихъ, выдѣляющее изъ себя такъ много и больныхъ, и виновныхъ! Нищета и голодъ больше и больше заглядываютъ въ селенія.

Будущія поколѣнія, когда пройдетъ наше мрачное время, переходное время, изумятся, какъ могли мы относиться ко многому только съ тупымъ чувствомъ нѣмого удивленія.

Какъ быть и чѣмъ мы, пастыри духовные, можемъ помочь?

Если когда, то особенно въ настоящее время христіанство съ его величайшими идеалами есть та положительная точка опоры, о которой сказалъ бы древній мудрецъ: „Дайте мнѣ опереться на этой точкѣ, и я подвину міръ“.

Я не могу сказать въ данномъ случаѣ только объ одной точкѣ опоры; ихъ есть много. Одной изъ такихъ точекъ есть священный союзъ между пастыремъ и паствою.

„Для всѣхъ я былъ всѣмъ, чтобы спасти хотя нѣкоторыхъ“, говоритъ апостолъ. Эти слова должны быть глубоко начертаны также на сердцахъ всѣхъ священниковъ, продолжателей апостольскаго дѣла. Полная и всегдашняя готовность быть всѣмъ для всѣхъ и постоянное, радостное выполненіе этого стремленія на дѣлѣ, это необходимѣйшее условіе взаимодѣйствія между пастыремъ и пасомыми, безъ чего все дѣло пастырскаго учительства будетъ голосомъ въ пустынѣ. Поставленный пасти стадо Христово, насаждать въ умахъ и сердцахъ людей сѣмя евангельской истины, сѣмя правды, мира и любви, и искоренять мѣшающіе успѣшному росту христіански-добродѣтельной жизни нравственные плевелы — эгоизмъ, ложь, насиліе, священникъ можетъ выполнить это великое дѣло не иначе, какъ подъ непремѣннымъ условіемъ самаго тѣснаго единенія съ своею паствою, такого единенія, при которомъ каждое движеніе въ жизни стада, каждая радость и всякое горе пасомаго отражались бы такимъ или иннымъ движеніемъ, радостью и скорбью въ сердцѣ пастыря и находили бы въ немъ своего истиннаго истолкователя и направителя. Дѣло церковнаго учительства есть въ полномъ смыслѣ дѣло воспитанія, а воспитывать — что значитъ для воспитателя, какъ не сойти внизъ, чтобы поднять на высоту внизу стоящихъ?

Паства, особенно паства наша деревенская, которую мы и имѣемъ въ виду по преимуществу, есть малый ребенокъ, наша православная деревня сильна чувствомъ, почти исключительно живетъ сердцемъ, богата силою вѣры, но малоопытна, бѣдна содержаніемъ религіозной мысли и положительнаго христіанскаго богопознанія, а потому всему даетъ вѣру, на ряду съ истиною принимаетъ много ложнаго, простая, откровенная и довѣрчивая, она часто идетъ за лжеучителемъ, шарлатаномъ и явнымъ пройдохою; незлобивая, сострадательная, готовая на самоотверженіе и подвигъ для ближняго, она часто становится жестокою, своевольною. Священникъ воспитатель своей паствы — долженъ снизойти къ этому взрослому ребенку, богатому внутреннею силою, органически слиться съ нимъ, быть его душою и сердцемъ, просвѣщенный свѣтомъ истины, духовный пастырь долженъ быть умомъ своей паствы; будучи проповѣдникомъ и носителемъ мира, любви и правды, онъ долженъ быть волею для воли пасомыхъ. Къ сожалѣнію, тѣсная связь и единство между пастыремъ и паствой — явленіе, не всегда встрѣчающееся. Нѣкоторыя лица обвиняютъ наше духовенство въ томъ, что оно будто слишкомъ формально понимаетъ и исполняетъ свое дѣло, изъ живого дѣятеля въ живомъ дѣлѣ превратилось въ механическаго исполнителя своей службы. Мы не станемъ останавливаться на выясненіи причинъ розни и отчужденности, существующей между пастырями и пасомыми; для насъ въ настоящемъ случаѣ важно указать средства къ устраненію этой отчужденности и объединенію этихъ двухъ факторовъ въ религіозно-нравственной жизни народа. Въ этихъ видахъ рекомендуютъ, прежде всего, устранить частыя перемѣщенія священниковъ съ одного прихода на другой безъ крайне уважательной причины, и признать необходимымъ болѣе или менѣе долговременное пребываніе священника на одномъ мѣстѣ, которое бы (пребываніе) дало возможность пастырю ближе и больше узнать свою паству, ея интересы, ея добрыя и дурныя стороны... Но одно долговременное пребываніе на одномъ приходѣ само по себѣ не ведетъ за собою непремѣнно ни знакомства съ жизнью, ни тѣмъ менѣе объединенія съ паствой.

Какъ же объединить прихожанъ для составленія такого священнаго союза, въ которомъ пастырь былъ бы душою дѣятельности каждаго, и не парализовалъ бы особыхъ предоставленныхъ нѣкоторымъ лицамъ въ обществѣ правъ?

Для этого требуется искренняя любовь къ пасомымъ и всецѣлая преданность своему дѣлу, которыя, безусловно, сдѣлаютъ пастыря находчивымъ при безконечномъ разнообразіи случаевъ текущей жизни, научатъ его быть „мудрымъ, какъ змѣя, и кроткимъ, какъ голубь“. Найлучшимъ средствомъ къ объединенію въ такомъ духѣ служатъ, разумѣется, при полной готовности священника быть всѣмъ для всѣхъ, внѣцерковныя собесѣдованія съ прихожанами, устраиваемыя по деревнямъ прихода.

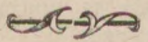
Къ условіямъ успѣшнаго пастырскаго служенія, какъ бы въ добавленіе, предлагаются еще два совѣта. 1) Рекомендуется завести дневникъ записывать въ немъ наблюденія надъ паствою. Записавши свои наблюденія, пастырь будетъ имѣть возможность провѣрить ихъ новыми наблюденіями. Кромѣ того, самое записываніе наблюденій ведетъ къ тому, что пастырь обдумаетъ ихъ и крѣпче запоминаетъ... 2) Совѣтуется священникамъ время отъ времени взаимно дѣлиться своими впечатлѣніями и наблюденіями. „Умъ хорошо, а два лучше", говоритъ пословица.... Какъ бы ни былъ пастырь Церкви богатъ знаніями, опытомъ и наблюденіями, какими бы учеными пособіями не владѣлъ онъ для продолженія своего образованія, все же если онъ будетъ во всемъ поступать единственно по собственному усмотрѣнію и, не слушая ничьихъ совѣтовъ, во всемъ полагаться лишь на самого себя, — скоро сдѣлается одностороннимъ. Во время бесѣды съ своими сослуживцами по пастырской должности, пастырь высказываетъ свои наблюденія, свое мнѣніе о той или другой сторонѣ жизни прихожанъ и, въ свою очередь, самъ выслушиваетъ мнѣніе своего собесѣдника. Такимъ образомъ оба они имѣютъ пользу отъ бесѣды.

Резюмируя все сказанное, мы не можемъ не припомнить словъ св. ап. Павла: „Встаньте, препоясавши чресла ваша истинною, и облекшись въ броню праведности, и обувши ноги въ готовность благовѣствовати миръ; а паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленныя стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе" (Ефес. 6, 14—17). Въ другомъ мѣстѣ, говоритъ тотъ же св. апостолъ: „Заклинаю тебя предъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Который будетъ судить и живымъ и мертвымъ въ явленіе Его и царствіе Его: проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай со всякимъ долготерпѣніеяъ и назиданіемъ" (2 Тимоѳ. 4, 1-2). Конечно, исполненіе этихъ апостольскихъ словъ будетъ благотворно при непремѣномъ соблюденіи слѣдующихъ условій. 1) Пастырю Церкви Христовой необходимо осуществлять завѣщаніе того же св. апостола: „Во всемъ показывай въ себѣ образъ добрыхъ дѣлъ, въ учительствѣ чистоту, степенность, неповрежденность, слово здравое, неукоризненное, чтобы противникъ былъ посрамленъ, не имѣя ничего сказать о насъ худого" (Тит. 2, 7-8). 2) Требуется, чтобы пастырь духовный въ своемъ развитіи своялъ выше своей паствы.

Извѣстно, что современное намъ общество быстрыми шагами идетъ по пути своего развитія, такъ что быстрота въ развитіи общественной жизни составляетъ, можно сказать, отличительную черту настоящаго времени. Отсюда понятно, что и наше духовенство, чтобы имѣть вліяніе на общество, должно въ своемъ развитіи не только идти въ уровень съ развитіемъ общественнымъ, но и стоять выше его, чтобы имѣть возможность правильно цѣнить общественныя стремленія и, правильно понимая ихъ, управлять ими соотвѣтственно высшимъ требованіямъ нравственнаго порядка, добраго развитія, христіанскаго совершенствованія.

Итакъ, осуществяя вышесказанные высокіе идеалы, мы могли бы приблизиться къ той точкѣ опоры въ христіанствѣ, о которой сказалъ древній мудрецъ: „Дайте мнѣ опереться на этой точкѣ, и я подвину міръ".

Протоіерей Александръ Любичъ.

У насъ.

Дѣло арестованныхъ бѣлорусскихъ депутатовъ еще долго будемъ служить предметомъ всевозможныхъ толковъ и составлять одинъ изъ главныхъ интересовъ внутренней политической жизни Польши. Это объясняется тѣмъ, что дѣло это подняло на поверхность политической жизни цѣлый рядъ вопросовъ, непосредственно связанныхъ не только съ жизнью восточныхъ окраинъ Польши, но и съ общими проблемами государственнаго бытія. Въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, **арестъ членовъ бѣлорусской фракціи Сейма** депутатовъ Тарашкевича, Ракъ-Михайловскаго, Волошина и Метлы и члена независимой крестьянской партіи деп. Головача еще не получилъ конституціоннаго оформленія и находится въ стадіи разсмотрѣнія въ парламентской комиссіи, но исходъ этого разсмотрѣнія можно считать предрѣшеннымъ. Сеймъ не откажетъ въ выдачѣ арестованныхъ депутатовъ суду — въ этомъ отношеніи настроеніе подавляющаго его большинства единодушно. Правительство маршала Пилсудскаго пользуется всѣми случаями для того, чтобы подчеркнуть, что репрессіи противъ тайной законспирированной коммунистической группы, которая руководила дѣятельностью бѣлорусской громады и независимой крестьянской партіи, не являются дѣйствіями, направленными противъ непольскаго населенія восточныхъ окраинъ. Надлежитъ въ этомъ отношеніи обратить вниманіе на **заявленіе вице-предсѣдателя совѣта министровъ г. Бартеля**, сдѣланное имъ въ Сеймѣ по случаю мотивировки правительственнаго требованія о выдачѣ арестованныхъ депутатовъ суду. Обращаясь къ Сейму г. Бартель сказалъ: „Враждебная государству пропаганда охватила въ угрожающей степени лишь незначительную часть территоріи государства. **Правительство не считало необходимымъ выступать съ суровыми репрессіями** противъ населенія, не оріентирующагося въ методахъ и цѣляхъ его непрошенныхъ опекуновъ. Съ тѣмъ большей, однако, рѣшительностью я долженъ буду противодѣйствовать всякой работѣ главарей, сознательно дѣйствующихъ во вредъ государству. Ни одно государство не можетъ терпѣть и надѣлять безнаказанностью людей, которые, пользуясь депутатскимъ званіемъ, позволяютъ себѣ явную измѣну, и польскій Сеймъ не можетъ считать предоставленія этимъ людямъ права убѣжища своей задачей".

Изъ другихъ событій внутренней политической жизни Польши отмѣтимъ **начало разсмотрѣнія бюджета въ Сеймѣ** и совпавшее съ этимъ началомъ улучшеніе курса польской валюты на биржѣ.

Въ виду слуховъ о намѣреніи правительства и Польскаго Банка стабилизирсвать злотый на курсъ 8 злотыхъ 50 грошей за долларъ, биржа проявляетъ тенденцію къ повышенію курса злотаго, который пока еще не достигъ указаннаго паритетнаго курса.

Въ политическихъ кругахъ большимъ событіемъ считаютъ **назначеніе полковника** генеральнаго штаба **Славека**, на должность чиновника для особыхъ порученій при президіумѣ совѣта министровъ. Полковникъ Славекъ имѣетъ репутацію лица, весьма близкаго къ предсѣдателю Совѣта Министровъ Маршалу Пилсудскому и пользующагося его полнымъ довѣріемъ. По слухамъ въ вѣдѣніи полк. Славека сосредоточены будутъ дѣла, касающіяся національныхъ меньшинствъ въ Польшѣ.

Говоря **о жизни православныхъ меньшинствъ** въ послѣдніе дни слѣдуетъ отмѣтить, что бѣлорусскія организаціи, конечно, чувствуютъ себя значительно скомпрометированными дѣломъ бѣлорусской

рабоче-крестьянской громады, переживаютъ вслѣдствіе этого дѣла періодъ моральной и политической депрессіи и мало чѣмъ себя проявляютъ. Украинцы заняты попрежнему **вопросомъ объ украинскомъ университетѣ**, но, несмотря на всѣ переговоры и толки въ послѣднее время, открытіе этого университета во Львовѣ—какъ этого хотятъ украинцы—представляется пока мало вѣроятнымъ, а созданіе его въ другомъ городѣ—совершенно невозможнымъ вслѣдствіе твердой и послѣдовательной поддержки украинцами требованія объ избраніи Львова мѣстомъ его созданія. Въ жизни русскаго національнаго меньшинства въ Польшѣ крупнымъ событіемъ является **созывъ перваго организаціоннаго съѣзда** Русскаго народнаго объединенія во Львовѣ.

Въ качествѣ любопытной информаціи отмѣтимъ состоявшееся въ Варшавскомъ королевскомъ замкѣ, резиденціи г. президента Республики, возложеніе кардинальской шапки на голову папскаго нунція (посла) въ Польшѣ Лаури. Торжество это интересно тѣмъ, что является возстановленіемъ древняго обычая, существовавшаго въ Польшѣ до ея раздѣловъ. Согласно этому обычаю польскимъ королямъ, какъ и монархамъ другихъ католическихъ странъ, принадлежало право передачи отличій кардинальскаго званія кардиналамъ, назначаемымъ Ватиканомъ въ предѣлахъ ихъ государства. Нынѣшній римскій Папа Пій, бывшій самъ въ 1920 году нунціемъ въ Варшавѣ, возстановилъ этотъ обычай въ современной республиканской Польшѣ и предоставилъ Президенту Польской Республики почетное право, ранѣе принадлежавшее польскому королю. Самое торжество врученія нунцію Лаури отличій кардинальскаго званія произошло въ очень пышной обстановкѣ. Нунцій прибылъ въ замокъ въ каретѣ, въ сопровожденіи почетнаго военнаго конвоя и особаго папскаго легата, президентъ Мосцицкій лично принялъ этого легата и самого нунція и по окончаніи литургіи, совершенной въ католической каплицѣ замка, возложилъ на нунція кардинальскую шапку. Католическое духовенство и католическая печать въ Польшѣ сдѣлали все, чтобы по случаю этого торжества подчеркнуть, что **Польша является чисто католическимъ государствомъ**. До нѣкоторой степени это имъ удалось, но, по странной случайности, почти одновременно въ варшавской польской печати раздался голосъ, посвященный вопросу **о значеніи Православной Церкви въ государственной жизни Польши**. Голосъ этотъ принадлежалъ извѣстному публицисту г. Леону Козловскому, который, на столбцахъ „Пршеглонда Вечорнаго" писалъ совершенно правильно и глубоко:

„Раскрытіе широко развѣтвленнаго противогосударственнаго заговора на бѣлорусской окраинѣ вновь выдвигаетъ вопросъ о безопасности „кресовъ" во главу угла нашихъ государственныхъ проблемъ. Временно опасность устранена благодаря энергичной работѣ политической полиціи Но наилучшая политическая полиція не является альфой и омегой политической мудрости. Борьба съ разрушительной работой должна сопровождаться позитивными дѣйствіями, руководимыми политическимъ разумомъ, общественной справедливостью и административнымъ тактомъ и умѣющими найти поддержку въ мѣстныхъ факторахъ порядка и спокойствія. **Однимъ изъ такихъ позитивныхъ факторовъ**, могущихъ сыграть большую роль въ дѣлѣ умиротворенія окраинъ, **является Православная Церковь**". Въ дальнѣйшемъ авторъ статьи дѣлаетъ рядъ вѣрныхъ заключеній объ опасности католической пропаганды среди православнаго населенія восточныхъ окраинъ Польши для польской государственности и совершенно вѣрно указываетъ на громадное значеніе **церковныхъ вопросовъ въ жизни всѣхъ православныхъ** національныхъ меньшинствъ. Статья заканчивается изложеніемъ результатовъ состоявшагося въ Варшавѣ 10 — 12 января с. г. съѣзда Православныхъ благочинныхъ и церковныхъ старостъ, высказываясь за немедленное удовлетвореніе пожеланій, содержащихся въ переданной делегаціей съѣзда членамъ правительства докладной запискѣ. Мы отмѣчаемъ эту статью, какъ признакъ здороваго отношенія къ тѣмъ вопросамъ, о значеніи которыхъ въ жизни государства мы давно, но до сихъ поръ, увы, чаще всего безуспѣшно пишемъ.

Заграницей.

Если вѣрить газетнымъ сообщеніямъ, совѣтская власть въ Россіи рѣшила, наконецъ, **сдѣлать значительную уступку настойчивымъ требованіямъ населенія** о смягченіи антирелигіознаго курса совѣтской политики и постановила внести рядъ измѣненій въ совѣтское законодательство о правахъ „религіозныхъ обществъ", въ составъ которыхъ совѣтская оффиціальная терминологія включаетъ и православные приходы, и всевозможныя сектантскія объединенія и еврейскія и магометанскія религіозныя общины и т. п. По свѣдѣніямъ московской печати предстоитъ предоставленіе религіознымъ обществамъ правъ юридическихъ лицъ и права имѣть, покупать и продавать движимое и недвижимое имущество. До сихъ поръ, какъ извѣстно, этого права **православные приходы въ совѣтской Россіи были лишены**. Всѣ зданія храмовъ и все церковное имущество считалось націонализированнымъ и находящимся лишь во временномъ пользованіи приходовъ на основахъ аренднаго права. Нынѣ не только предполагается вернуть приходамъ право собственности, но и право сбора денежныхъ средствъ на свои нужды и право содержать благотворительныя учрежденія. Можно только порадоваться, если хоть частично предположенія эти будутъ осуществлены и коснутся не только, скажемъ, обновленческихъ организацій и еврейскихъ обществъ, но и Православныхъ приходовъ, но невозможно забывать о томъ, что въ то время, когда народный комиссаріатъ юстиціи собирается декретировать какія то новыя имущественныя права религіозныхъ обществъ, **ГПУ содержитъ больного старика Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Крутицкаго Петра въ тюрьмѣ**, гоненія на православное духовенство не прекращаются, комсомольское глумленіе и пропаганда безбожниковъ встрѣчаютъ не только сочувствіе, но и поддержку совѣтской власти, а засѣвшая въ Кремлѣ банда разбойниковъ, именуемая коммунистическимъ интернаціоналомъ, прилагаетъ всѣ усилія и тратитъ добытыя путемъ выколачиванія налоговъ изъ русскаго крестьянина денежныя средства на распространеніе той же безбожной пропаганды и атеистическаго ученія коммунизма внѣ предѣловъ Россіи, въ томъ числѣ и среди Православнаго населенія восточныхъ окраинъ Польши.

Конечно, **жизнь вынуждаетъ коммунистическую партію** въ совѣтской Россіи итти на уступки. Отъ обманныхъ теорій коммунизма не осталось камня на камнѣ и всѣ, кажется, тамъ увидѣли, что вмѣсто обѣщанной свободы революція дала тюрьмы, чека, ГПУ, ссылки, вмѣсто братства — диктатуру инородцевъ и иностранныхъ авантюристовъ, вмѣсто обѣщаннаго равенства и матеріальныхъ благъ — равенство во всеобщей нищетѣ. Ужасенъ и потрясающъ **итогъ десятилѣтней русской революціи** — море крови и слезъ, уничтоженіе могучей государственности, всеобщее обѣднѣніе, гибель культуры и духовныхъ цѣнностей, физическое и моральное озвѣрѣніе народа. Чѣмъ же все таки объяснить, что несмотря на эти

очевидныя для всѣхъ истины, большевики, совершая, правда, уступки все же продолжаютъ существовать и править Россiей? Приходится признать, что причина этого лежитъ въ одномъ **органическомъ недостаткѣ дореволюцiонной Россiи** и ея правительства, которое слишкомъ мало заботилось о просвѣщенiи и совершенно не думало о его политическомъ воспитанiи. Единственной организованной политической силой въ Россiи, кромѣ самого правительства, были революцiонныя партiи, главнымъ образомъ соцiалъ-демократы большевики, нынѣ переименовавшiе себя въ коммунистовъ. Не стало власти и весь русскiй народъ превратился въ политически неорганизованное стадо, которымъ явно завладѣлъ тотъ, кто неорганизованности нацiональной стихiи противопоставилъ собственную преступную организованность, и это тягчайшее несчастiе русскаго народа продолжаетъ тяготѣть надъ русскимъ народомъ до сихъ поръ, кладя естественный предѣлъ уступчивости коммунистической партiи и гарантируя ей еще на нѣкоторое время спокойную безнаказанность при коммунистической власти. Предѣлъ этотъ не можетъ отодвинуться, такъ какъ **коммунисты никогда не допустятъ свободной политической организацiи** русскаго народа, а изъ этого слѣдуетъ, что тѣ уступки, о которыхъ мы читаемъ въ совѣтскихъ газетахъ, и которыя дѣлаются коммунистической властью по требованiю жизни и подъ напоромъ русской народной стихiи, **не измѣняютъ основъ существующаго въ Россiи положенiя** и не отмѣняютъ конечной политической цѣли русскаго народа — замѣны коммунистической власти властью нацiональной.

Къ этому обзору положенiя въ Россiи мы присоединимъ сегодня краткiй обзоръ **внутренняго политическаго положенiя Францiи**. Полгода тому назадъ государство это переживало тревожный кризисъ. Франкъ стремительно падалъ и лѣвое правительство Эррiо было безсильно предотвратить угрожавшую странѣ финансовую катастрофу и банкротство. Въ этотъ моментъ лѣвыя партiи, которыя довели Францiю до такого печальнаго положенiя, сочли необходимымъ отказаться отъ возможностей, предоставлявшихся имъ наличiемъ ариѳметическаго большинства голосовъ въ парламентѣ и согласились на образованiе существующаго до сихъ поръ коалицiоннаго правительства, во главѣ котораго всталъ извѣстный нацiональный дѣятель, бывшiй президентъ Пуанкарэ. Въ короткiй срокъ правительство Пуанкарэ вывело Францiю изъ печальнаго положенiя, подняло курсъ франка на 1 0/0 и установило первый стабилизированный и уравновѣшенный государственный бюджетъ Францiи со времени войны. Но одновременно, въ теченiе этихъ шести мѣсяцевъ французское правительство, всецѣло поглощенное вопросами финансово-экономическаго характера, запустило рядъ другихъ насущныхъ вопросовъ государственной жизни и, въ частности, вопросы внѣшней политики, **давъ Германiи возможность укрѣпить свои позицiи** и поднять голову въ ущербъ Францiи и ея союзникамъ. Черезъ полгода со дня своего образованiя правительство Пуанкарэ столкнулось съ необходимостью разрѣшенiя ряда проблемъ, которыя при его коалицiонномъ составѣ, сулятъ ему тяжкiя испытанiя.

ЮРИДИЧЕСКIЙ ОТДѢЛЪ.

О ПОРЯДКѢ ОБЖАЛОВАНIЯ ПОСТАНОВЛЕНIЙ АДМИНИСТРАТИВНЫХЪ ОРГАНОВЪ.

Органы администрацiи по разсмотрѣнiи дѣлъ, находящихся въ ихъ вѣдѣнiи, издаютъ постановленiя сообщаемыя заинтересованнымъ лицамъ. Поскольку спецiальные законы не регулируютъ порядка обжалованiя административныхъ постановленiй, жалобы на такiя постановленiя вносятся въ соотвѣтствующiя учрежденiя въ теченiи 14 тидневнаго срока, считая таковой со дня врученiя или объявленiя заинтересованнымъ лицамъ обжалуемаго постановленiя или распоряженiя.

День врученiя не засчитывается въ срокъ на принесенiе жалобы.

На постановленiя и распоряженiя административной власти I инстанцiи приносятся жалобы во II инстанцiю, которая разсматриваетъ обжалованное постановленiе I инстанцiи и рѣшаетъ дѣло окончательно. На постановленiя и распоряженiя административной власти II инстанцiи, хоть бы объявленныя черезъ административные органы I инстанцiи, приносятся жалобы въ соотвѣтствующiя Министерства.

Жалобы подаются въ учрежденiя, постановившiя рѣшенiе.

Въ связи съ вышеуказаннымъ слѣдуетъ отмѣтить, что, по закону, старосты считаются органами административнаго управленiя I инстанцiи, а воеводы —такими же органами II-й инстанцiи.

Кромѣ письменныхъ жалобъ, допускаются и устныя жалобы, оформленныя въ протоколы, составляемые должностными лицами при устномъ заявленiи жалобы заинтересованнымъ лицомъ.

Въ случаѣ высылки жалобы по почтѣ или по телеграфу, день подачи жалобы въ почтовое или телеграфное учрежденiе опредѣляется числомъ принятiя письма съ жалобой въ одно изъ этихъ учрежденiй.

Жалобы подаются на окончательныя рѣшенiя, а равно и на опредѣленiя по вопросамъ преюдицiальнымъ въ теченiи всего административнаго производства.

При выдачѣ постановленiй, административныя учрежденiя обязаны указывать порядокъ ихъ обжалованiя, срокъ для внесенiя отзыва и предусмотрѣнный закономъ ходъ жалобы инстанцiоннымъ порядкомъ съ указанiемъ, въ какое учрежденiе слѣдуетъ внести жалобу.

Правооснованiемъ всего вышеприведеннаго служитъ дѣйствующiй нынѣ законъ отъ 1 августа 1923 года. (Dz. Ust. № 91, 1923, ст. 712).

Полезно отмѣтить, что, согласно рѣшенiю Высш. Админ. Трибунала отъ 1 октября 1925 года (№ реестра 1854), жалобы на постановленiя административныхъ органовъ о допущенiи къ возобновленiю оконченнаго производства считаются подлежашими разсмотрѣнiю Высшаго Административнаго Трибунала.

Вышеуказанное не относится къ дѣламъ разсматриваемымъ въ порядкѣ уголовно-административнаго производства.

Рвзъясненiе къ Уставу о гербовомъ сборѣ.

Оплата метрическихъ выписей.

Согласно ст. 155 ст. о герб. сбор. выписи изъ м трическихъ книгъ, а равно свидѣтельства о рожденiи, бракѣ и смерти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оплачиваются гербовымъ сборомъ 1 злотый. Въ тѣхъ случаяхъ, когда органы выдающiе такiя удостовѣренiя содержатся на счетъ Государства — взыскивается 3 злотыхъ.

Такъ какъ православные приходы, кои составляютъ акты гражданскаго состоянiя (о рожденiи, бракѣ, смерти), не содержатся на средства Государства, то надлежитъ взыскивать 1 злотый.

Правило это не распространяется на ту часть Государства, гдѣ дѣйствуетъ нѣмецкое Гражданское уложенiе (Велькопольша, Поморье). **К. Н.**